

Как объяснять смену генофонда? Казус ямной миграции

[Лев Клейн](#)

К. Кристиансен, М. Аллентофт и др., включая Э. Виллерслева на последнем (командном) месте, опубликовали новую статью в самом популярном и престижном английском археологическом журнале «Антиквити». Они назвали ее длиннонато: «Пересмотр теорий мобильности и формирования культур и языка среди культур шнуровой керамики в Европе». Речь идет всё о том же: о миграции ямной культуры на запад и ее основополагающих следствиях. Суть сводится к трем тезисам:

1. В умеренной зоне Европы, по данным генетики, резко сменился генофонд ок 3000 г. до н. э.: тот, что был распространен до того, сменился новым, который до того был там лишь маргинальным.
2. Такая резкая и кардинальная смена могла произойти только благодаря миграции, а не медленному просачиванию.
3. Наиболее подходящим источником на сегодня должна быть признана ямная культура понтокаспийских степей.

Далее идет развитие и реализация этих тезисов: авторы выявляют высокую мобильность с наступлением бронзового века и подтверждают преемственные связи культур шнуровой керамики с ямной культурой.

Что из изложенного является несомненным, это смена в умеренной зоне Европы неолитического генофонда другим, фондом шнуровой керамики, который появился в то же время или чуть раньше у ямной культуры степей, а чуть позже – у культуры колоколовидных кубков. Заманчиво было нарисовать на этом основании массовую миграцию, которая из ямной культуры направилась в Центральную Европу и создала там культуры шнуровой керамики и боевого топора, а оттуда – на Запад, где создала культуры колоколовидных кубков.

Странно, что эта миграция археологически не видна. Подтверждения преемственности, собранные в статье, слабоваты. Курган и одиночные погребения, возможно, заимствованы из степей, хотя курганы скорее всего выросли из мегалитических сооружений, а одиночные погребения могли быть и результатом социальных сдвигов. Кроме того, это распространение религиозных верований, а они не обязательно наследуются — частенько заимствуются по разным причинам. Но ямные погребения не знают разделенности по полу, а шнуровики четко делят погребения по полу, да и не везде у них курган привился. В керамике и там и тут есть веревочный орнамент, но в Европе он есть и в предшествующем неолите, а кроме него керамика совершенно различна.

Высокая мобильность несомненна. Но от нее до массовой миграции – большой рывок. Все эти блоки культур четко привязаны к своим экологическим нишам: ямная – к степи, шнуровики – к лесной зоне. Нет случаев пересечения этих границ. Есть обмен вещами, возможно, женщинами (экзогамия). Это всё. В Карпато-дунайском бассейне есть степи. Вот там ямники похоже смешивались с местными жителями. Там есть ямные курганы с местной керамикой – то есть смешанная культура. Но и ее миграция на север, в леса, не видна. Видны лишь обычные связи и отношения. Кристиансен и его соавторы обращают наше внимание на то, что культура шнуровой керамики вскоре после появления вырубил леса, создав пастбища для скота, то есть зону, похожую на степь и удобную для ямников. Но это было уже *после* возникновения культуры шнуровой керамики, а ямники должны были придти *до того*.

Что касается юношеских «мужских союзов», то прямых свидетельств их наличия ни у ямников, ни у шнуровиков не обнаружено, а предположение о них выдвинуто на основании этнографических аналогий (у индоариев, в Африке). Если и бывали рейды юношеских «мужских союзов» из Карпато-дунайского бассейна, то вряд ли эти юноши могли осесть на новом месте в Центральной и Северной Европе и обеспечить такую смену генофонда. Юноши эти как правило возвращались в привычную среду, пограбив, захватив скот и, может быть, женщин. Для массовой миграции нужны другие основания – стихийные бедствия на исходной родине, лучшие условия жизни в облюбованной новой местности, давление агрессивных соседей или собственной перенаселенности.

Что касается языкового доиндоевропейского субстрата в германских языках, то раньше его определяли как богатый морской лексикой (рыболовной и лодочной) и связывали с мезолитическими культурами. Кристиансен со товарищи обогатили его земледельческой лексикой, оставив скотоводческую для индоевропейцев. Это позволило им связать земледельческую лексику с культурой воронковидных кубков, а скотоводческую индоевропейскую приписать ямной культуре. Ямники, де, ввели тут свое скотоводческое хозяйство. Это позволяет Кристиансену и его соавторам сделать вывод о доиндоевропейском характере культуры воронковидных кубков.

Но при этом они рассматривают эту культуру как исключительно земледельческую, что неверно. У этой культуры было весьма интенсивное придомное скотоводство: они разводили овец, коз, а особенно — свиней (которых как раз у ямников не было) и крупный рогатый скот, лошадь также имелась, но как тяговая сила не использовалась. А повозки и колесо у них были, так

что и с этой стороны индоевропейская лексика возможна.

Я уже приводил аргументы того, что сами генетические исследования содержат факты, противоречащие предложенному генетиками толкованию их открытия (см. [Клейн 2017](#) и др.). Резкая смена генофонда действительно требует объяснения миграцией. Но ямная культура на эту роль по наличным данным не подходит. Пока тестирование охватывает слишком малочисленные выборки и далеко не все основные культуры региона и эпохи. А совпадало ли распространение языка с данным процессом – вообще особь статья. Гипотезы остаются гипотезами.

Клейн Л. С. 2017. [Степная прародина индоевропейцев как гипотеза](#). – Генофонд, март 2017.